

Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт
Факультет Церковных Искусств

ИСКУССТВО ХРИСТИАНСКОГО МИРА

СБОРНИК СТАТЕЙ

Выпуск 7

Москва 2003

ББК Э 372-5

Иск 86

Искусство Христианского Мира. Сборник статей. Выпуск 7. — М., Издательство
Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. 2003. — 464 с.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Протоиерей Александр Салтыков

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

А.А. Воронова

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

протоиерей Александр Салтыков

протоиерей Николай Озолин

канд. богословия иерей Олег Давыденков

д. иск. А.А. Баталов

канд. иск. А.А. Щенникова

художник-реставратор высшей категории В.Д. Сарбабянов

НОВОЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ АНИСИМОВЕ.
ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО ПЕРЕПИСКИ С БОРИСОМ КУСТОДИЕВЫМ
(1919–1923, 1926 ГОДЫ)

... Вы найдете немало «бывшей России», которая была, есть и будет все та же, какой мы ее любим и знаем. В общении с ней, неизменной, великой и прекрасной, несмотря на все временные дьявольские наваждения, и только в этом общении возможно почерпнуть нужные силы для творчества.

Из письма А.И. Анисимова Б.М. Кустодиеву от 26 июля 1926 года

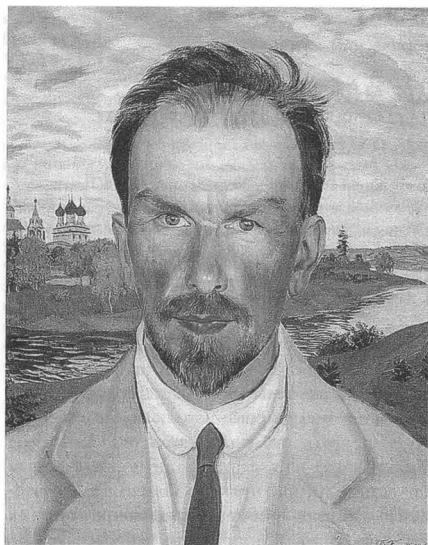
Ровесники Александра Ивановича Анисимова (1877–1937), которым посчастливилось прожить «полный» век, отпускаемый человеку природой, уходили из жизни в 1950-е или в первой половине 1960-х годов. Представить себе Анисимова как современника второй половины их жизни трудно, почти невозможно. Ведь мы знаем, главным образом, лишь общую канву жизни и деятельности этого выдающегося первооткрывателя и исследователя византийского и древнерусского искусства, создавшего новый музей в Новгороде, руководителя живописной секции знаменитой Комиссии по сохранению и реставрации памятников древнерусской живописи в России, в 1924 году ставшей Центральными реставрационными мастерскими, профессора Народного университета им. А.А. Шалявского, ВХУТЕМАС-ВХУТЕИНа, Ярославского и Московского университетов, заведующего отделом Религиозного быта в Историческом музее¹. Из-за «раннего» ареста (1930 г.) и гибели в лагере сохранившийся архив его сравнительно невелик², а скупые строчки воспоминаний легко поддаются самому простому подсчету³. Все это привело к тому, что об облике, душевном складе Анисимова нелегко составить сколько-нибудь достоверное представление, почувствовать его как живого, несомненно, сложного, полного противоречий человека.

Любое свидетельство об этой незаурядной личности поистине драгоценно. Мы предлагаем вниманию читателей одиннадцать писем (восемь из них приводятся целиком), написанных Анисимовым в зрелые годы, годы предельно напряженного, точнее – фанатичного труда. Способность к такому труду-подвигу и талант – вот

что, пожалуй, определяет для нас душевный стержень ученого. И еще одна важнейшая черта – последовательный нонконформизм; материалы проанализированного нами следственного дела яркое тому свидетельство. Анисимов прямо писал на следующий день после ареста (то есть до грубого прямого давления следователей) о своих либерально-демократических взглядах и идеалистическом мировоззрении, которые он никогда не скрывал⁴.

Что еще нужно непременно добавить? По семейным традициям (среда разночинной интеллигенции, близкой идеалам народничества)⁵ и времени формирования личности (историко-филологический факультет Московского университета окончен в 1904 году), по выбору жизненного поприща (педагог в провинции) Анисимов был одним из многочисленных просветителей своего времени. Важный итог на этом поприще – до трехсот юношей⁶, многие из которых не только обучались у него в учительской семинарии (то есть в педагогическом училище), но и по мере возможности воспитывались в семье педагога, который жил вместе с двумя своими сестрами⁷. Идеи просветительства двигали Анисимовым и позднее, когда он посвятил свою жизнь спасению и изучению древнерусской живописи.

Живя и работая в селе в ближайших окрестностях Новгорода, и очень недолго – в Петергофе, Анисимов, был оторван от жизни столиц до 1918 года. Но, тем не менее, он вошел в узкий круг тех исследователей, которые, не получив прямого университетского образования в области истории искусства, на исходе первого десятилетия XX века остро почувствовали готовность русского общества к переоценке собст-

Ил. 1. Б.М. Кустодиев. А.И. Анисимов. 1915 (1919?) год.
Государственный Русский музей

венного национального художественного наследия, включая древнюю икону. Период освоения Анисимовым новой специальности и ранние шаги на этом поприще, несмотря на всевозможные серьезные оговорки, были окрашены многими «родовыми» чертами, присущими «серебряному веку». Принципы специфически понятого эстетизма реализовывались Анисимовым на профессиональном уровне в 1910-е годы (поиски стилистического анализа памятников при размежевании с академической наукой), а в стиле жизни (коллекционирование, жизнь как бы «за кулисами театров»⁸, любовь к артистическому костюму⁹ и так далее) сохранялись и позднее, в 1920-е годы. Разумеется, в последнем случае, эти установки были значительно ослаблены общей ситуацией в стране и личной бытовой неустроенностью ученого в течение целого ряда лет. Дружеские связи с миром искусства привели к тому, что один из блестящих поэтов эпохи, Максимилиан Волошин, посвятил ему поэму «Богоматерь Владимирская», а выдающийся художник Борис Кустодиев — замечательный живописный портрет (ил. 1). Уровень

двух этих произведений столь высок, что можно смело сказать — что ни один другой историк древнерусского искусства не был удостоен подобной чести. Полагаем, это не было случайным стечением обстоятельств.

К сожалению, нам ничего не известно о том, когда и как Кустодиев и Анисимов встретились, как развивались их дружеские отношения до 1919 года. Круг общих знакомых мог быть достаточно обширен. Укажем, например, на очень близкого друга Кустодиева, Георгия Семеновича Верейского¹⁰, внука известного историка Николая Ивановича Кареева, с которым Анисимов связывало многолетнее знакомство¹¹. В данном контексте надо назвать и другое имя, также принадлежащее миру искусства — это имя Федора Федоровича Ноттафта¹². Публикуемые ниже письма свидетельствуют об очень доверительных дружеских отношениях между ученым и художником, сложившихся к лету 1919 года. В одном из этих посланий упоминается портрет А.И. Анисимова¹³. Этот краткий текст — отзвук обсуждения вопроса о связи изображения лица и пейзажного фона. Художник или вновь вернулся к работе над холстом, если он был написан в 1915 году, или заканчивал его, если портрет только создавался. Дело в том, что в нижнем правом углу портрета автор написал свою фамилию и дату, но последняя цифра неразборчива¹⁴. Отметим, что несмотря на то, что в литературе о Кустодиеве уже в 1960-е годы ряд авторов правильно указывал, что на портрете изображен историк искусства, исследователь русской старины¹⁵, но тогда же и даже позднее находим и ошибочные сведения¹⁶. Лишь в популярной биографии художника, вышедшей в свет в 1986 году, А.М. Турков справедливо писал об Анисимове не только как о выдающемся первооткрывателе древнерусского искусства, «кладзе познаний» для художника, но и о том, что Анисимов приобрел Кустодиева к миру своих увлечений¹⁷. Но, по-видимому, только теперь, при внимательном изучении издаваемых писем, можно точнее представить значение для художника общения с ученым. Совершенно очевидно, что среди крупных современных живописцев именно Кустодиев с его мечтой создать особый тип картины, «русскую картину», в которой изображение церкви являлось бы своеобразной

подписью мастера¹⁸, был наиболее близким по духу Анисимову. Нельзя не привести в этой связи интереснейшее свидетельство, относящееся именно к 1919–1922 годам, о желании Кустодиева написать картину «В церкви», нельзя не напомнить о его поисках воплощения в своих работах впечатлений от обобщенного художественного языка иконы¹⁹, о несколько более ранней работе в технике темперы²⁰ и так далее.

Портрет Анисимова прочно занимает достойное место среди произведений, написанных художником в эпоху творческого расцвета. По своей концепции он прямо сопоставим только с одним полотном живописца — с его знаменитым автопортретом 1912 года на фоне Троице-Сергиевой Лавры, исполненным для галереи Уффици (ил. 2). Другим звеном в раздумьях над созданием *особого типа* портрета творца русской культуры является блестящий портрет-картина «Ф.И. Шаляпин» (1921).

Несмотря на то, что некоторыми исследователями уже были даны высокие оценки портрету Анисимова в литературе о Кустодиеве²¹, мы хотим подчеркнуть линию развития портрета-типа, образное решение которого наделено глубокой и масштабной национальной составляющей. Публикуемые ниже письма можно рассматривать как яркий комментарий к интересующему нас живописному полотну.

Итак, портрет Анисимова — это портрет-тип, передающий индивидуальность. Нарочитая простота основных мотивов «говорящего» пейзажа расширяет его символический подтекст до обобщающего образа России, которая показана пронзительно прекрасной в своей обыденности. Глубоко трактована тема предельной сосредоточенности ученого — его образ гармоничен безмолвному миру природы, а пристальному взгляду вторит напряженность разгорающегося заката. Мотив разноцветных облаков, «осеяющих» голову, также как и весь композиционный строй портрета, будит глубокую ассоциативную память, уводящую зрителя в глубины европейской художественной культуры.

Нельзя не привести краткий словесный портрет исследователя, оставленный современником: «Среднего роста, черноволосый, носивший коротко подстриженные усы и бородку, всегда собранный, способный казаться хмурым из-за

Ил. 2. Б.М. Кустодиев. Автопортрет. 1912 год.
Галерея Уффици, Флоренция.

манеры наклонять вперед голову и смотреть изподлобья своими острыми глазами — таков был Анисимов»²².

Отметим те новые факты и обстоятельства жизни Анисимова, которые становятся известными главным образом из публикуемых ниже писем. Два первых из них передают конкретные подробности второй волжско-окской экспедиции Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России (далее — Комиссия) в августе 1919 года: о полном разладе отношений с И.Э. Грабарем, о причинах задержки А.И. Анисимова в Москве. Хорошо передан и ускоренный ритм работ («бешеная скачка») — и общая атмосфера, сопровождавшая исследования («прострация» Анисимова из-за ареста знакомого юноши).

Письма свидетельствуют об интереснейшем факте — Анисимов предоставлял Кустодиеву иконы из своей коллекции. Мы также получаем дополнительные сведения о самом этом неординарном собрании. Примечателен рассказ о художнике И.С. Куликовском, оценка его творчества.

Послания, помеченные 1920–1921 годами, позволяют достаточно ясно почувствовать «без-

мерные и безрадостные скитания» ученого, принужденного в течение ряда лет жить в бесконечных поездках между Москвой и Ярославлем. Время на экспедиции и на многие другие работы по изучению византийского и древнерусского искусства выкраивалось из того, что оставалось свободным от службы в Ярославле, да из обязательной службы в нескольких учреждениях в самой Москве.

Шестое письмо, посланное в августе 1921 года из Новгорода, когда был открыт ряд фресок Феофана Грека в церкви Спаса Преображения и другие замечательные памятники, рассказывает и о трудностях по преодолению бюрократической «чепухи». Интересно и упоминание о том, что Анисимов был в то время не только профессором, но и деканом Ярославского университета. Следующие два письма позволяют уточнить и дружеские связи ученого — в них названы имена археолога Н.И. Репникова и музыканта К.Н. Игумнова.

Очень примечателен краткий и не до конца ясный штрих из жизни Анисимова в Комиссии, упоминаемый в послании, написанном в июле 1923 года. Становится известным, что в какой-то предшествующий этой дате момент ученый удалился от дел Комиссии (деятельность ее из-за отсутствия средств в то время не была активной), но прямое обращение ее членом (включая Грабаря) к нему имело результат: Анисимов согласился вновь работать там. При этом он выставил очень важное условие — предоставление ему полной свободы действий. Разумеется, подобная «деталь» весьма показательна как для понимания характера ученого, так и для представления о соотношении научных сил внутри Комиссии.

Несколько писем свидетельствуют о той помощи, которую Анисимов пытался оказать своему больному другу-художнику для получения и реализации заказов на оформление театральных постановок в Москве.

Отметим стремление Анисимова сравнительно подробно описать впечатления от природы, полученные в нескольких поездках — подобные тексты не характерны для писем к другим адресатам, и в данном случае они, конечно, являются отзвуками их разговоров, ведь со второй половины 1915 года Кустодиев передви-

гался с помощью костылей, а уже со следующего года — только на кресле-каталке. Стиль пассажей о природе неровный (в него вкрались несколько канцеляризов), что лишний раз свидетельствует о редкости подобных текстов в эпистолярном наследии ученого.

В ряде писем Анисимов упоминал о замечательных памятниках византийского и древнерусского искусства, которые осматривали, изучали или реставрировали члены Комиссии. Несмотря на то, что подобная информация уже известна по ранее опубликованным источникам, тем не менее, она столь существенна для истории открытия и изучения национального художественного наследия, что на нее, безусловно, следует обратить пристальное внимание.

Мы не располагаем сведениями о месте хранения ответных писем Кустодиева — в литературе о художнике они отсутствуют. Но одно из этих посланий было известно А.М. Туркову — цитату из него мы приводим в своем месте.

Публикуемые письма приводятся по автографам, хранящимся в архиве ГРМ (ф. 26, д. 31, л. 15–34). Незначительные сокращения дополнены нами без оговорок, выделенные слова подчеркнуты автором.

Небольшие фрагменты из четырех писем (№ 1, 3, 4, 6) были изданы ранее в книге о Кустодиеве без указания дат, даже год написания упомянут только в одном случае, да и то ошибочно (письмо № 1, не 1918, а 1919 года)²³.

Письма А.И. Анисимова Б.М. Кустодиеву

1. 13.VIII. (31.VII) 1919 г. (даты даны по новому и старому стилю, как и в письмах №№ 2 и 3)²⁴. Москва, Новинский бульвар, д. 32, кв. 27.

Милый, дорогой Борис Михайлович,

Все эти дни шли у меня не столько на занятия делом, сколько на хлопоты по части изготовления разных личных и продовольственных документов и по части добывания разного жалования. Ведь без бумажки того и другого сорта человек сейчас ничего не «может» и ничего не стоит.

По дороге в Москву, узнав от Грабаря²⁵, что на днях по рекам Москве, Оке и Волге едет от нашей коллегии разведочная экспедиция²⁶, пробовал заявить, что и я «поеду». В ответ получила строгое замечание, что это «так просто нельзя: захотеть и поехать»: каюты все расписаны и распре-

делены заранее, и поместить «лишнего» человека некуда. Я немедленно прекратил разговоры и оставил всякую надежду, тем более, что вместе с этим мне было заявлено о необходимости «кому-нибудь» остаться в Москве для наблюдения за мастерскими московской и троице-сергиевской. Однако, по приезде моем в Москву архитектор Бондаренко²⁷, — товарищ Грабаря по членству в президиуме коллегии, — сам предложил мне ехать, сказав: «для Вас да не найдется места?» Весь вопрос был решен менее, чем в пять минут, и когда Грабарь «очень захотел», чтобы я поехал, и поехал сразу же вместе со всеми.

Однако, в ожидании своей старухи²⁸ я принужден жить некоторое время здесь. Экспедиция выехала сегодня, а я пока знакомлюсь здесь со всем, что сделано без меня по части собирания и реставрации памятников церковного искусства, и собираюсь съездить на сутки в Троицу, где за это время сделано очень много. Иконы, расчищенные за эти месяцы в Кремле, одна другой интереснее и превосходнее: ходим от вещи к вещи и не можем насмотреться²⁹.

Доставили ли Вам «Преображение»³⁰ из моего собрания и любуетесь ли Вы им, по душе ли оно Вам? Я лично очень люблю эту икону и высоко ее ставлю: в своем роде она у меня единственная. И еще я просил привезти Вам большую красную штофную драпировку, а тот кусок, который у Вас еще оставался (такого же цвета), я хотел бы отдать здесь моему доброму другу — Азерской³¹, которой лавры Юлии Евстафьевны по части костюма уже не дают спать. Теперь, очевидно, триумф будет за тем, чей фасон окажется удачным.

Итак, на днях я выеду в Муром, свезу туда свою старушку к моей матери³², а сам присоединюсь к экспедиции и доеду до Казани. А от Вас жду писем и хороших известий. С радостью вспоминаю о часах, проведенных вместе с Вами, крепко Вас целую и низко кланяюсь Юлии Евстафьевне и Кириюше³³, желая семье Кустодиевых всего-всего лучшего.

Ваш Алдр Анисимов

2. 10(23).VIII. 1919 г. Нижний Новгород, парход «Коломна»³⁴ [текст написан карандашом].

Уже в течение четырех дней пребываю я здесь, милый, хороший Борис Михайлович, ок-

ружают меня красивые лица, красивые вещи (церкви и то, что в церквях), много «продовольствия» и сравнительно дешевого; словом, все налицо, чтобы ублажить и дух и тело, но ни тело, ни дух не отдыхают, не чувствуют в себе никакой точки опоры и продолжают пребывать в прежней же прострации. Более того: я замечаю (да и другие это констатируют), что я все «убавлен»: что силы вместо того, чтобы прибывать, убывают и убывают. Что прежде захватывало бы меня, теперь едва меня интересует. Вместо того, чтобы рваться из дому на дела, я мечтаю о возвращении скорее на пароход. Все это не радует, и потому поездка мне не в радость. Не в радость она еще и потому, что не все ладно в сердце. Угнетает беспокойство за судьбу близких и, в частности, тревога за того молодого человека, который должен был доставить Вам мою икону (и надеюсь доставил): его вместе со всем остальным врачебным персоналом арестовали, и о его положении теперь я не имею никаких известий. И когда подумаешь, что испытывает он теперь, сидя в отвратительной тюремной обстановке современного режима, что [не уснет] выйти один, как его сменяет другой, что это — какой-то нерасторжимый круг, не прерываемая смена мерзости и пошлости людской, на душе становится так тошно, так тошно, что жизнь уже представляется тягостью. При таких условиях, как видите, ни Волга, ни русская древняя красота — ничто не идет впрок. Да и красота-то здесь вся в архитектуре; из икон, нами обследованных ни одна еще пока не удовлетворила нашего требовательного вкуса. Это, впрочем, и неудивительно, так как все здешние древнейшие святыни, «чудотворные» X-го—XIII-го—XVI-го вв. оказались записанными и подделками. Контраст между Новгородом Нижним и Новгородом Великим просто разительный: там все насыщено памятниками древней живописи, здесь все уничтожено без остатка. Вчера открывали известную «Корсунскую» Благовещенского монастыря, идущую якову из X века. Она оказалась просто неплохой иконой конца XV-го начала XVI-го столетия. Сюда я приехал прямо из Москвы, где пришлось задержаться из-за массы дел. Встретился с экспедицией лишь в Нижнем Новгороде, когда она уже посетила массу мелких городов. Все с особым восторгом отзываются о Гороховце. Грабарь, за-

хлебываясь, что это «какой-то Грааль», все собирается писать, но никак не усядется: занят, ибо все хочет сделать «сам».

Сегодня вечером едем отсюда в Макарьев, откуда в Васильсурск, потом Космодемьянск, Чебоксары и т. д. Из Казани, быть может, напишу, если не будем там носиться вихрем с утра до ночи.

Крепко Вас целую и низко кланяюсь Юлии Евстафьевне и Кириюше. Желая Вас всем много-много хорошего.

Искренне Вас уважающий
Алдр Анисимов

3. 4(17). IX. 1919 г. Москва.

Дорогой Борис Михайлович, дня три назад вернулся сюда из поездки³⁵ и здесь нашел Вашу писульку: мала она, коротка, но и за нее спасибо. С пути разок и я удосужился черкнуть Вам, но потом началась какая-то бешеная скачка, непрерывная спешка, город сменяет город kaleйдоскопически, и к вечеру каждого дня я чувствовал себя настолько разбитым и усталым, что сил хватает только поужинать (и возможно плотнее!), выйти на палубу, посмотреть ночное сияние звезд и... скорее заснуть мертвым сном. Давно уже не спал я так, как за эту поездку: засыпал почти моментально и вставал с невероятной тяжестью, с ломотой во всем теле, точно за ночь меня били, били и бить устали.

Но, зато и повидал я массу прекрасных и удивительных вещей. Города и монастыри один другого краше и уютнее появлялись и исчезали, как сон, и складывались в дивную панораму какого-то потока архитектурных форм, вписанных в раму природы: Казань³⁶ с полумосковским-полуазиатским силуэтом, Свяжск с просветами своих улиц и с вознесенным ввысь контуром русского Сан-Джиминьяно³⁷, Чебоксары с преображением царскосельских и петергофских претензий на волжский манер, Гороховец, как зачарованный Китеж, греющийся в своем чутком сне, полным молитв, песнопений и звонов потустороннего мира, и много, много других чудес богатейшего русского художественного гения.

Это было подлинное изучение русского искусства не по книгам, а по памятникам, как только и следует его изучать. Хотелось записывать все впечатления, но их было так много и бы-

ли они так разнообразны и порой так трудно передаваемы, что все равно не хватило бы сил их фиксировать. И я предпочел получать впечатления за впечатлением, переживать их, как умею, и накапливать в душе какой-то запас для будущих повторных и, быть может, более сосредоточенных художественных переживаний.

Заключил путешествие в Муроме, где на несколько дней остался погостить у матери. И там познакомился с Вашим академическим товарищем И.С. Куликовым³⁸, заведующим теперь местным подотделом по охране старины, был у него, видел его владения (дом и сад), его мастерские и его работы. Вот у кого собрание-то! Подлинные костюмы: кокошники, платки, пояса, тафты и сарафаны! Да какой сохранности и какого блеска! Масса всяких предметов утвари, украшений, обстановки.

К сожалению, мне кажется все-таки, что И.С. не совсем так чувствует красоту старого быта, как можно было бы чувствовать художнику. Когда он пишет жанровые сцены из простонародного быта, он интересен, приятен, симпатичен и видно, что он пьет из своего стакана³⁹, хотя и похожего на большие посуды его учителей, но все же своего, куликовского. Но, когда он одевает свои модели в богатейшие костюмы своего собрания на фоне обстановки тоже своего собрания, старается создать «композицию», «отделать» вещь, то получается нечто такое мелкое, скучное и беспомощное, что скучаешь о Константине Маковском. Но немцы покупают: «все последние вещи» проданы за границу и, хотя все купленные юбки уже окупались, хочется еще писать. Увы! Каждая последующая вещь будет отличаться от предыдущей как две капли воды одна от другой. Глядя на собрание Куликова, я думаю только об одном: почему эти вещи не перед Вами, и как захлебывались бы Вы в этом кружении красок, орнамента и форм, создавая эскизы к «Вражьей силе»⁴⁰! Это не чета моим оборвышкам, полувыветшим и изуродованным⁴¹!

Я написал снова, чтобы Вам привезли икону и не одну, а две. К сожалению, вторая только в намеке, но начавшейся расчисткой там вырван все же из тьмы такой красочный сон! Просил привезти Вам и портьеру красного штофа. Задержка произошла оттого, что тот близкий мне

молодой человек, — не успел я уехать, — очутился в тюрьме, а потом... в Красной армии. Все это в порядке вещей, но от того не менее горько и тяжело. Вы пишете, что фон на моем портрете, не выжется с лицом; я думаю несколько иначе и, быть может, Вы согласитесь со мной... через год или два. Крепко целую Вас и шлю привет милым и добрым Юлии Евстафьевне и Вашему наследику. Всего—всего хорошего.

Ваш Алдр Анисимов

4. 29. XII. 1919 г. — 11. I. 1920 г. Москва.

[в левом верхнем углу листа отгиснута монограмма в виде двух наложенных друг на друга инициалов «АА» в рамочке]

Дорогой, милый Борис Михайлович,

как хотелось бы сейчас увидеть Вас, обнять, поцеловать и о многом-многом поговорить. Поджидал и от Вас весточки, когда отошла осада от Петрограда и пути порасчистились, тем более, что все то время жила большая тревога за Вас и всех близких. Здесь, в Москве, и мы живем не в малой тягости, а когда подумаешь о петербуржцах, то даже ума не приложишь, как можно жить еще в Питере, а не умереть от голода и холода (о душевной тоске, о сердечном опустошении я уже умалчиваю).

Моя жизнь проходит в безмерных и безрадостных скитаниях. С самого начала октября я читаю в Ярославле⁴² и потому, как маятник, качаюсь между ним и Москвой: неделю здесь, неделю там, неделю здесь, неделю там. Благодаря этому я и в Москве, и в Ярославле на бивуаке. С наслаждением, если бы мог прокормить себя, бросил бы одну из служб и где-нибудь сел бы неподвижно. Но судьба смеется и углубляет свои насмешки. Комната, которую я снимал, превратилась в совершенный полос, водопровод и канализация пришли в негодность, и вот я, бросив свое обиталище, скитаюсь, как цыган: сплю в одном месте, обедаю в другом, занимаюсь в третьем. Дивляюсь иногда на себя, откуда такая жизнеспособность, такая цепкость у людей. Казалось бы и дорожить нечем и держаться не за что, а все барахтаешься, все бьешься за существование.

В декабре мое качание сопровождалось переездами в форме командировок: ездил в Толгу (монастырь под Ярославлем), Ростов Великий, Кашин (Тверская губерния) и Кострому⁴³. В Толге

и Костроме расчистили три чудотворных иконы: из них знаменитую Федоровскую (в Костроме) недочистили и лица оставили под прописью, так как ни количество света, ни количество тепла в соборе не соответствовали требованиям момента⁴⁴. Когда я был в Костроме, стояли адские морозы (36 градусов на Волге). Но мир вокруг был несказанно прекрасен, и я все вспоминал Вас. Небо было ярко-ярко синее, сияло солнце, и деревья — преимущественно березы — все были как сметаной облиты: так густ был иней. Мне пришлось ехать в окрестности города, в пустынь на 15 верст, по большой «аракчеевской» дороге. Вековые березы стояли, как нездешние прекрасные и великие существа, появившиеся как будто на время среди земной теперешней действительности. За эти дни я даже немного отдохнул душой: так царственно хороша была природа, что своею красотой подавила все и все заслонила.

Работа в университете удовлетворяет, так же мало, как и работа в коллегии⁴⁵. Аудитория была с начала года очень большая и смешанная. Набор [в армию] мужской молодежи вынес из университета почти все юношество и без того не очень многочисленное, и остались одни «старрики» и «девы», т.е. как раз наименее надежный и наименее интересный элемент. Иногда вдруг блеснет неожиданный луч отрады. Так, недавно открылись занятия на так называемом рабочем факультете, по существу вечерних классах для рабочих, каких раньше существовало по России немало и в царское время. Только умное царское правительство не давало развиться этим классам и тем вредило просвещению рабочих, теперь же работать можно было бы хорошо и много, да сил нет. И вот, эта та рабочая среда, пришедшая учиться, своим стремлением к знанию дает истинную отраду: так искренне и глубоко это стремление, что невольно чувствуешь и всю одаренность народа, и всю давность его культуры, не смотря ни на какие временные ошалеания, неблагдения и отупления.

Я жду от Вас хоть маленького известия, и Вы должны мне его послать. Не оставляйте меня в тревожном и томительном неведении относительно всей Вашей семьи. Сообщите мне также о милom Жорже Верейском⁴⁶. Я хотел бы послать ему остальные деньги за книгу Сомова⁴⁷ и

не знаю, в Питере ли он и можно ли послать ему по адресу Кареевых, не пуста ли их квартира [?]]. Целую Вас крепко-крепко, также и Вашего милого наследника, а дорогой и доброй Юлии Евстафьевне низко-низко кланяюсь. Боже мой, как хотелось бы повидать всех вас хоть на минутку, чтобы знать о вас все главное и быть покойным за Ваше здоровье, за Ваши силы. Ответьте же поскорее по адресу: Ярославль, Государственный университет, квартира ректора Ширияева⁴⁸. И непременно заказным. Еще раз целую Вас.

Ваш Алдр Анисимов⁴⁹

5. 24. I. 1921 г.

Дорогой Борис Михайлович, посылаю Вам маленький гостинец: просимую Вами зубную щетку и старого асмоловского табаку с старыми же «гильзами катыка». Простите, что так долго не присылал щетки, но и эту маленькую вещь стоило достать не малого труда.

Живу как и раньше, скитаюсь. Теперь только еще регулярнее и чаще придется ездить в Ярославль, чтобы освободить себе лето для работ в Новгороде. В Москве эту зиму жизнь стала содержательнее и осмысленнее, чем в прошлом году. Люди освоились с новыми средствами борьбы за существование, окрепли, окрепли и начинают понемногу возвращаться к забытым формам человеческого общежития. У целого ряда знакомых собираются по вечерам интеллигентские кружки, беседуют о России, о Европе, поют, играют, читают. Десятилетие смерти Врубеля почтено в Третьяковке особой выставкой⁵⁰, правда, не очень полной. Память Бетховена отмечена многочисленными концертами, из коих вечер Метнера⁵¹ был особенно значителен.

У меня прибавилось дела: согласился взять в свое заведование отдел религиозных древностей (один из самых громадных) в московском, так называемом Российском Историческом музее⁵². Отчасти в силу этого, отчасти в силу недостаточной обеспеченности жизни в Ярославле (лучше сказать спокойствия жизни), рассчитываю устроиться со своим «гнездом» в Москве⁵³. Тем не менее, с Ярославлем не порву и работать там буду.

Сегодня сообщили пикантную новость: Троицкая получила сообщение от Чичерина что представители русских художественных инте-

ресов в Риге (на переговорах с Польшей) не проявляют должного патриотизма⁵⁴. Один из этих представителей Грабарь! Вероятно, с него довольно и того шоколада с сосисками, которые, по словам слетницы Москвы, он уже успел прислать из Риги своим домашним!

Целую крепко Вас и Кириюшу. Милой Юлии Евстафьевне с наследницей⁵⁵ шлю низкий поклон и привет.

Ваш Алдр Анисимов

P.S. Как поживает Ваш автопортрет для моего стола⁵⁶ и обещанная «Зима». Готовы ли они, очень их ожидаю.

Алдр

6. 15 VIII. 1921 г. Новгород.

Дорогой Борис Михайлович, только в полночь 13-го августа приехал я сюда со своей экспедицией: так долги были сборы в Москве из-за денег, документов, пропусков, материалов и прочей чепухи⁵⁷.

Было страшно досадно терять дорогое время: уходило лето, уходили свет и тепло, нужные для работы. В силу этого приходилось тратить дни черт знает на что, и сердце просто рвалось на части. Но побороть все эти уродства жизни нет сил, как ни напрягаешь все свои физические и моральные способности. «Рожон» прет и прет и уничтожает все добрые и разумные усилия.

Теперь, приехав сюда, приходится наверстывать. Остается всего месяц до 15 сентября, когда мне придется уже возвращаться в университет к своим профессорским и деканским обязанностям. Коллеги мои по академической работе сильно на меня дуются за мои археологические, исследовательские и подобные им увлечения и приходится с этим считаться. Рассчитываю поэтому усиленным темпом вести работу, не теряя даром ни часу и, кажется, встречаю в этом направлении поддержку со стороны своих сотрудников.

Фрески, которые открываются в церкви Спаса Преображения, превзошли все мои ожидания. Это действительно *гениальные* произведения. К высоте их художественных качеств присоединяется поистине изумительная сохранность. Из под покрывающей их побелки они выходят как будто сейчас написанные: свежесть красок и чистота тона превосходят все

доселе нам известное в Новгороде. И какие это краски и какая техника, если бы Вы видели! Я так жалею, что Вы не в Новгороде, и что фрески эти доступны лишь с лесов, куда вход крайне затруднителен! Вы насладились бы на долгий срок!

Удивительной вещью будет и Николай Чудотворец — икона Липенского монастыря. Ожидания и предположения мои вполне оправдываются, и я уверен, что икона эта станет исходным пунктом для суждений о древнейшей поре новгородской иконописи: на ней, как на фундаменте, будут воздвигать все дальнейшие научные построения в этой области. Ведь это *единственная* датированная⁵⁸ новгородская, да и вообще русская икона той эпохи!

Радуясь, что Вы окружены подлинным русским бытом, который питает Ваши художнические глаза и художническое воображение⁵⁹. Я бывал в Руссе, наблюдал ее и представляю себе, как много может она дать Вам материала, нового даже по сравнению с Поволжьем⁶⁰. К сожалению, наши совместные наблюдения над этим бытом, о которых я несколько раз мечтал, теперь невозможны. Разве только по дороге во Псков через Руссу (если таковая поездка совершится)⁶¹, я смогу увидеть Вас на краткий срок. Но если бы Вы приехали сюда, было бы лучше: здесь есть больше чего посмотреть, чем в Руссе.

Черкните мне сюда, долго ли думаете еще пробить на лечении, и как себя чувствуете с Юлией Евстафьевной. Ей шлю мой низкий поклон. Желая Вам использовать для здоровья все это время и крепко Вас целую.

Ваш Адр Анисимов

7. 25. VIII. 1922 г. СПб.

[А.И. Анисимов обращается к своему «доброму приятелю» Николаю Ивановичу Репникову⁶², который согласился принести домой к Б.М. Кустодиеву необходимые тому для работы редкие книги из своей ценной библиотеки.]

8. 15. VII. 1923 г. Ярославль, университет.

Милые, хорошие Борис Михайлович и Юлия Евстафьевна, очень рад был узнать из Вашего письма и от т-ле Голубовой⁶³, передавшей мне его, что Вы живы, здоровы и благополучно наслаждаетесь югом. Теперь едет к Вам в компанию наш ректор, Ваерлан Николаевич Ши-

ряев, которого прошу передать Вам это послание. Мы его все здесь очень любим и очень им дорожим, и я буду рад, если Вы поближе познакомитесь и сойдетесь. Сейчас у Вас в Гаспре живет еще и другой близкий мне человек — московский профессор и пианист Константин Николаевич Игумнов⁶⁴, наверно, Вы уже успели его узнать и послушать.

Я только что приехал в Ярославль, но, увы, не от отдыха и не на отдых. В Москве на последней неделе скопилось масса работы, а здесь ждали студенческие работы практического и экзаменационного характера и реставрации икон. Если к этому прибавить еще обход церквей по отбору икон для реставрационной мастерской и для музея иконописи и вообще древнерусского искусства⁶⁵, то, как видите, времени почти не остается. А 1-го августа надо уже быть в Новгороде, чтобы приниматься там за реставрацию, которой думаю посвятить не менее месяца с тем, чтобы в самом конце августа заглянуть на два-три дня в Петербург и прочесть там, в Русском археологическом обществе, доклад о древнейших русских иконах⁶⁶.

Последний месяц пребывания в Москве был снова занят оставленной, было, работой в Кремле⁶⁷. По поводу пятилетнего юбилея реставрационных работ, пришедшегося на 10 июня, мои коллеги-реставраторы с Грабарем в главе обратились ко мне с коллективной просьбой возвратиться в их среду. Грабарь мотивировал это тем, что теперь *и он* выведен из штата центрального органа⁶⁸ и посажен на «периферию», куда год назад он усиленно старался меня пересадить, и от чего я с благодарностью отказался. Он скромно напомнил, что в свое время я счел «периферию» — местом ниже своего достоинства, он же согласен служить русскому искусству хотя бы в качестве дворника, ибо у него нет самолюбия. Не желая омрачать юбилея и огорчать своих самоотверженных товарищей, которые все, не говоря здесь, конечно, о Грабаре, — искренне дорожат моим сотрудничеством, не преследуя при этом никаких своекорыстных целей, я согласился снова работать с ними, хотя бы бесплатно, лишь бы мне была предоставлена полная свобода действий. Условие было принято, и все это время я ходил в Кремль в мастерскую, где при мне начата была новая расчистка: в Москву был привезен из одно-

го села Владимирской губернии иконостас, написанный в начале XV-го века для Владимирского Успенского собора Даниилом Черным и Андреем Рублевым. Иконы начинают уже показываться из-под прописи и оправдывают ожидания.

Если в конце августа Вы уже будете в Питере, надеюсь видеть Вас там (и получить от Бориса Михайловича его автопортрет, обещанный уже так давно). Желаю Вам отгуляться и отдохнуть, елико возможно, и запастись солнечной энергией на всю долгую северную зиму. Так хотелось бы отдохнуть подобно Вам, но слабость сердца, неравнодушные к единственной моей страсти — старой русской живописи — погубили мой отдых на этот год. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш Аадр Анисимов

9. 24. VII. 1926 г. Вельцо.

Милый Борис Михайлович,

Мне переслали Ваше письмо в новгородскую деревню, где я обычно провожу лето. Прошу Вас, невзирая на мое отсутствие, ехать с вокзала прямо ко мне. Одновременно я предупреждаю сестер своих Надежду и Веру Ивановну о Вашем приезде⁶⁹. Они знают и Вас [и] Юлию Евстафьевну, в моем кабинете Вы найдете покой и отдых и кое-что, на что стоит взглянуть⁷⁰. Вас покормят обедом, а во 2-ом этаже, поднявшись по широкой лестнице, Вы увидите Сезанна⁷¹. Очень очень сожалею, что не увижу Вас обоим лично, но радуюсь Вашему новому выезду «на Русь», и мысленно буду с Вами 5-го числа. В Лебедино Вы, конечно, найдете немало «бывшей России», которая была, есть и будет все та же, какой мы ее любим и знаем. В общении с ней, неизменной, великой и прекрасной, несмотря на все временные дьявольские наваждения, и только в этом общении возможно подчёрпать нужные силы

для творчества. Желаю Вам возможно больше надыхаться этой Русью и насмотреться ей. Я только этим здесь и занимаюсь. Брожу днями по лесам и полям, езжу в лодке по дивным вадайским озерам и лежу нагишем на золотом песчаном пляже под золотыми же лучами солнца. За книги и перо берусь редко-редко. Отсюда 1-го сентября проеду прямо в Новгород, где пробуду дней 10, оттуда, быть может, в Псков, а, быть может, и прямо в Москву⁷². Целую Вас крепко и низко кланяюсь Юлии Евстафьевне.

Ваш Аадр Анисимов

10. 19. XI. 1926 г.

[А.И. Анисимов выступает как доверенное лицо художника, ведя переговоры с директором одного из московских театров (название не указано) и с автором готовившейся театральной постановки. Были определены размер гонорара, приезд автора в Ленинград для чтения пьесы, выполнение декораций Кириллом Кустодиевым, возвращение эскизов после использования в собственность художника.]

11. [конец 1926 г.]

[А.И. Анисимов сообщает, что предложил руководству Малого театра кандидатуру Б.М. Кустодиева в качестве декоратора для оформления постановки пьесы Волькенштейна «Голуби»⁷³, посвященной жизни скопцов в 1820-е годы. Пьеса должна быть поставлена в феврале—марте 1927 г. и на работу оставалось еще четыре месяца. Театр поручил А.И. Анисимову вести предварительные переговоры с художником, и тот сообщил размер гонорара и высказывал предположение о том, что в этой работе вновь можно будет использовать Кирилла Кустодиева.]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вздорнов Г.И. Комиссия по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России 1918—1924 // СИ. 1981. Вып. 2 (далее — Вздорнов 1981); Он же. Александр Иванович Анисимов (1877—1932) // СИ. 1984. Вып. 2. С. 297—320; Кончин Е.В. «Ржавый клочок Александра Анисимова» // СК. 29 июня 1989. С. 6; Он же. По приговору Тройки // СК. 14 апреля 1990; Кызласова И.Л. Александр Иванович Анисимов (1877—1937). М., 2000; Она же. История

отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920—1930 годы: По материалам архивов. М., 2000 (далее — Кызласова 2000).

² Из истории реставрации древнерусской живописи: переписка И.В. Федышина (1924—1936) / Сост. и комм. Г.И. Вздорнов. М., 1975. С. 64—67, 81—82, 88—89, 92—93; ряд работ в кн: Анисимов А.И. О древнерусском искусстве / Сост., вступ. статья и комм. Г.И. Вздорнов. М., 1983; Вздорнов Г.И.

Неизвестная статья А.И. Анисимова «Иконизация Кирилла Белоцерского» // ПКНО. 1987. М., 1988; Он же: «Быть здесь тяжелой крест» Из переписки А.И. Анисимова и В.Т. Георгиевского с И.Э. Грабарем (1918–1919) // ПО. 1993. № 3–4; Неизданная статья А.И. Анисимова о Г.О. Чирикове (Публ., вступ. статья и комм. Г.И. Вздорнова) // ВИ. 1994. № 2–3. С. 405–426; Доклад А.И. Анисимова во Всероссийской реставрационной комиссии и сопроводительная записка к нему (1923) / Публ. Н.П. Рязанцева // Ярославский архив: Историко-краеведческий сб. М.—СПб., 1996. С. 242–247; *Игошев В.В.* Участие А.И. Анисимова в ярославской комиссии по изытию церковных ценностей // ГНИИР. Художественное наследие. М., 1999. № 16. С. 90–92; наши работы см. примеч.1, а также: *Кызласова И.А.* О Московском институте историко-художественных исследований и музееведении (1920 г.—начало 1921 г.) // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2001. (Труды ГИМ. Вып. 126) С. 518–535.

³ *Порфиридов Н.Г.* Новгород. 1917–1941: Воспоминания. Л., 1987; *Лихачев Д.С.* Я вспоминаю // Он же. Книга бесполок: Воспоминания, статьи, беседы. М., 1991. С. 141; Он же: «Беседы прежних лет» // НН. 1993. № 26. С. 51–58; *Муратов П.П.* Вокруг иконы / Публ., вступ. ст. и комм. Ю.П. Соловевой // Московский журнал, 1999. № 2. С. 31. [Протокол допроса от 7 октября 1930 г.] // Садественное дело А.И. Анисимова 1930–1931 гг. — ЦА ФСБ РФ, № Р–38544 (см.: *Кызласова* 2000. С. 330–331, 335); ср. *Муратов П.П.* Вокруг иконы. С. 31.

⁴ Мать, Александра Александровна, служила в земстве фельдшерницей-акушеркой, отец, Иван Яковлевич (1853 — начало 1890-х гг.), земский статистик, в 1881 г. секретарь редакции газеты «Земство», в 1884–1885 гг. «Земского обозора» (Полтава); писал в периодической печати об экономических проблемах русской деревни. Наиболее известные его работы: «Разложение нашей земельной общины» («Вестник Европы», 1885. № 1); Хозяйственно-экономические данные земской статистики. Полтава, 1885. Вып. 1 (см.: ЭСРБИ Гранат. Т. 3. Стб. 125–126; *Вздорнов Г.И.* Александр Иванович Анисимов. С. 297–298).

⁵ Садественное дело А.И. Анисимова. Л. 8 об.

⁶ *Порфиридов Н.Г.* Новгород. С. 180. См. также: многие представители интеллигенции новгородской земли, в первую очередь учителя, окончившие Григоровскую семинарию «вмещались по уровню культуры <...> Они неизменно расцветали доброй улыбкой, когда узнавали, что я знаком с А.И. Анисимовым <...>» (Там же. С. 179 и след.).

⁸ Сохранились сведения периода жизни А.И. Анисимова в Москве — среди его личных друзей было несколько известных артистов и артисток (см.: Садественное дело А.И. Анисимова. Л. 40). Он был председателем Общества друзей музея Большого театра (*Голованов Н.С.* Литературное наследие. Переписка. Воспоминания современников. М., 1982. С. 275, ср. также с. 88).

⁹ *Порфиридов Н.Г.* Новгород. С. 182.

¹⁰ Георгий Семенович Вережский (1886–1962), художник-график. См.: *Турков А.М.* Борис Михайлович Кустодиев. М., 1986. С. 118.

¹¹ *Кызласова* 2000. С. 236.

¹² Федор Федорович Нотгафт (1886–1942), знаток, издатель, коллекционер произведений художников круга «Мира искусства», секретарь этого общества (1919–1923), хранитель в Эрмитаже (1919–1929), один из руководителей издательства «Аквилон», Госиздат, «Искусство» и др. В январе 1922 г. он сделал ценный книжный подарок Б.М. Кустодиеву в благодарность за нарисованный им эскибрис для А.И. Анисимова (см.: Борис Михайлович Кустодиев. Письма. Статьи, заметки, интервью. Встречи и беседы с Кустодиевым (из дневников Вс. Воинова). Воспоминания о художнике / Сост.-ред. Б.А. Капранов. А., 1967. С. 222, 420).

¹³ ГРМ. Картон, масло; 41,4 x 33; передан из Управления по делам искусств при Совете народных комиссаров РСФСР в 1945 г.

¹⁴ Борис Кустодиев / Вступ. статья, сост. и комм. М.Г. Эткинды. М., 1982. С. 198; см. также литературу, в которой холст датируется 1915 г.; составитель выбрал дату 1919 г., но вскоре, в следующем альбоме, вернулся к более привычной — 1915 г. (см.: Кустодиев Борис. Живопись, рисунок, книжная графика, театрально-декоративное искусство / Автор-сост. М.Г. Эткинды. А., 1983. С. 277).

¹⁵ *Эткинды М.Г.* Б. Кустодиев. А.; М., 1960. С. 200; *Лебедева В.Е.* Борис Михайлович Кустодиев. М., 1966. С. 72.

¹⁶ См., например: Борис Михайлович Кустодиев. Письма. С. 402; *Капранова С.Г.* Новое о Кустодиеве. М., 1979. С. 53.

¹⁷ В последнем случае имелись в виду издаваемые в настоящей работе письма, некоторые из которых автор привел во фрагментах. Там же сказано, что, возможно, не без влияния А.И. Анисимова Б.М. Кустодиев изобразил новгородскую церковь Федора Стратилата в эскизах декораций к постановке «Посадника» А.К. Толстого в бывшем Александринском театре. См.: *Турков А.М.* Борис Михайлович Кустодиев. С. 120–121.

¹⁸ См.: Борис Михайлович Кустодиев. Письма. С. 215.

¹⁹ Там же. С. 208, 226.

²⁰ В этой технике написан автопортрет художника (см.: Кустодиев Борис: Живопись, рисунок, книжная графика, театрально-декоративное искусство. С. 5).

²¹ Ср., например: *Лебедева В.Е.* Борис Михайлович Кустодиев. С. 71–72; *Капранова С.Г.* Новое о Кустодиеве. С. 53.

²² *Порфиридов Н.Г.* Новгород. С. 183. Ср. «волосы были бесцветные» (*Муратов П.П.* Вокруг иконы. С. 31.)

²³ *Турков А.М.* Борис Михайлович Кустодиев. С. 118–120.

²⁴ Ранее было известно, что вторая волжская экспедиция выехала 12–13 августа (*Грабарь И.* Письма. 1917–1941 / Сост., авторы вводной статьи и комм. Л.В. Андреева, Н.А. Евнина и Т.П. Каждан. М., 1977. С. 304. Примеч. 17). Но т.к. на публикуемом письме дата написана четко, то ясно, что ученый продолжал не только указывать даты согласно двум стилям, но делал это не всегда внимательно: здесь сначала он написал дату по новому стилю «13 августа», а затем «31 июля». Ср. на следующем письме дата поставлена в общепринятом порядке «10/23 августа».

²⁵ Неясно, откуда они возвращались. Ср. 8 августа И.Э. Грабарь вернулся из Петербурга (см.: *Грабарь И.* Письма. С. 29).

²⁶ В течение 1919 г. было осуществлено три экспедиции по Оке и Волге: в мае—июне, августе—сентябре и октябре—ноябре (см.: *Вздорнов* 1981. С. 312).

²⁷ Илья Евграфович Бондаренко (1870–1947), архитектор, историк искусства, художник; с 1918 г. член коллегии Всероссийского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, в 1918–1920 гг. возглавлял Комиссию по охране искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, в 1919 г. руководил музеем «Старая Москва», позднее также занимался охраной памятников, работал в Музее русской архитектуры, автор работ по истории (см.: *Татагова Л.С.* Бондаренко Илья Евграфович // *Историки и краеведы Москвы: Некрополь. Биобиблиографический справочник*. М., 1996. С. 36–37; *Объянникова Е.Б.* Архитектор-художник Илья Евграфович Бондаренко (1870–1947) // *Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы)* М., 1997. С. 227–252; ср.: *Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е – 1917 годы)*. М., 1998. С. 37–39).

²⁸ Неясно, о ком идет речь.

²⁹ *Вздорнов* 1981. С. 310.

³⁰ Нам известен список икон из собрания ученого на момент его ареста (Опись собрания, составленная представителями ОГПУ 2 ноября 1930 г. перед конфискацией – см. Следственное дело А.И. Анисимова, л. 144–146 об.). Иконы «Преображение» там нет.

³¹ Вероятно, имеется в виду Елизавета Григорьевна Азерская (1868–1946), певица и педагог.

³² А.И. Анисимов родился в Петербурге (Следственное дело А.И. Анисимова. Л. 5), но его семья была связана с Муромом – ср. «Был он родом из Мурома». (*Муратов П.П.* Вокруг иконы. С. 31). Позднее, в 1930-е годы, А.А. Анисимова жила в Москве (См.: *Кызласова* 2000. С. 345).

³³ Юлия Евстафьевна Кустодиева (урожденная Проппинская), жена художника с 1903 г., до этого окончила Александровское училище при Смольном институте, работала машинисткой и училась в Школе Общества поощрения художеств; сын художника (1903–1971), окончила Академию художеств (1926), выполняла ряд декораций по эскизам отца, работала художником в театрах Ленинграда.

³⁴ Это была комфортабельная яхта, ранее принадлежавшая губернатору Москвы, позднее товарищу министра внутренних дел В.Ф. Джунковскому (см.: *Грабарь И.О.* Древнерусское искусство / Вступ. статья, сост. и комм. О.И. Подобедовой. М., 1966. С. 236. Примеч. 1).

³⁵ Ср.: Вторая волжская экспедиция завершилась 19 сентября. (*Грабарь И.* Письма. С. 304–305).

³⁶ О маршруте экспедиции см. подробнее: *Грабарь И.* Письма. С. 304–305; *Вздорнов* 1981. С. 312; Неясно, был ли А.И. Анисимов в Гороховце или описывал его по рассказам коллег.

³⁷ Напомним, что А.И. Анисимов был в Италии в 1912 г.

³⁸ Иван Семенович Куликов (1875–1941), академик живописи; из муромских крестьян; соученик Б.М. Кустодиева по мастерской И.Е. Репина, они оба были выбраны последним как помощники при создании картины «Заседание Государственного совета...», окончила Академию художеств (1902), жила в Муроме, собирала коллекцию этнографического костюма с 1904 г., был сотрудником местного музея: сначала внештатным (1923), позднее заведовал историко-художественным отделом; в музей и передал свои коллекции (см.: *Сухова О.А.* Этнографическая коллекция И.С. Ку-

ликова в собрании Муромского музея: история и судьба // *Музеи верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации*. Ярославль, 1997. С. 63–79, библи; *Сенгурова Т.Е., Куряшина Т.Б.* Музейное строительство в Муроме (1918–1950-е гг.) // Там же. С. 296; а также письма И.С. Куликова Б.М. Кустодиеву в кн.: Борис Михайлович Кустодиев. Письма. С. 51–53 и др.).

³⁹ Имеется в виду выражение А. де Мюссе: «Мой стакан невелик, но я пью из своего стакана».

⁴⁰ Речь идет об эскизах к декорациям и костюмам Б.М. Кустодиева к опере А.Н. Серова «Вражья сила», поставленной в 1919 г. или 1920 г. в Мариинском театре с участием Ф.И. Шаляпина.

⁴¹ Имеется в виду собрание А.И. Анисимова народных тканей, вышивки, кружев, женских головных уборов, а также церковных облачений, о которой нам известно из «Описи допантительной вещей гражданина А.И. Анисимова», составленной представителями ОГПУ вскоре после ареста ученого (см.: Следственное дело А.И. Анисимова, л. 111–112). В коллекции было до 500 предметов.

⁴² В январе 1919 г. А.И. Анисимов был зачислен в штат профессора вновь образованного Ярославского государственного университета и преподавал там на кафедре истории искусства и эстетического воспитания, вероятно, до 1923 г. (см.: *Вздорнов Г.И.* Александр Иванович Анисимов. С. 314–315. Примеч. 13). Но есть прямое свидетельство, что он преподавал там до 1925 г. (см.: *Анисимов А.И.* Реставрация древнерусской живописи в Ярославле. М., 1926. С. 4).

⁴³ Речь идет об участии ученого в третьей волжской экспедиции (см.: *Вздорнов* 1981. С. 312; *Грабарь И.О.* Древнерусское искусство. С. 242–243).

⁴⁴ См. подробнее: *Вздорнов* 1981. С. 312.

⁴⁵ Точнее, в Комиссии.

⁴⁶ То есть о Георгии Семеновиче Верейском (см. примеч. 10); зимой 1919 г. он находился на Смоленщине.

⁴⁷ Вероятно, речь идет о книге «Le livre de la marquise» (St-Peterbourg, 1918), в которой К.А. Сомов выступил как автор текста и художник.

⁴⁸ Валериан Николаевич Ширяев (1872–?), ученый-юрист, доктор права, окончил Демидовский юридический лицей, где с 1904 г. был преподавателем, затем профессором, а с 1917 г. директором; в 1920-е годы был ректором Ярославского государственного университета и профессором Бологовского государственного университета.

⁴⁹ Приведем цитату из ответа Б.М. Кустодиева на данное письмо: «Как я завидую Вам и радуюсь за Вас... Ведь это самое мое любимое, эти морозные сказочные дни с инеем, этот звенящий воздух, этот скрип полозьев по хрустящему снегу и багровое в тумане солнце! Отдал бы теперь остаток жизни за возможность еще раз пережить эту красоту, подышать этим острым, разрывающим грудь морозным воздухом! Вот этого то мне и не хватает, вот от этого-то я и таю понемногу – недостает этой природы, на которой я каждый раз воскресаю и телом и душой» (*Турков А.М.* Борис Михайлович Кустодиев. С. 120).

⁵⁰ Выставка не имела каталога.

⁵¹ Николай Константинович Метнер (1879/1880–1951), композитор, пианист, профессор Московской консерватор-

рии (1909–1910, 1915–1921), с осени 1921 г. жил за границей.

⁵² А.И. Анисимов заведовал этим отделом в РИМ–ГИМ с 1 ноября 1920 г. по 1 февраля 1929 г. – НВА ГИМ, оп. 1а, д. 10, л. 17; д. 172, л. 66 об.; д. 188, л. 3 об.; д. 235, л. 1; д. 277, л. 1 об. (дела выявлены С.А. Сидоровой).

⁵³ Ученый жил вместе с двумя своими сестрами – см.: *Порфиридов Н.Г.* Новгород. С. 180; *Кызласова* 2000. С. 341–342.

⁵⁴ Речь идет об обсуждении вопроса, касающегося научных и культурных ценностей на переговорах РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей с другой стороны о прекращении войны 1920 г. См.: *Грабарь И.* Письма. С. 313. Примеч. 1. ⁵⁵ То есть Ирине Борисовне Кустодиевой (1905–1981). Она окончила техникум сценических искусств (1927), работала в Большом драматическом театре и др.

⁵⁶ Вероятно, речь идет о миниатюрной работе, которая нам не известна, так же как и упоминаемый далее пейзаж. См. в начале 1921 г. художник задумал картину «Зима. Масляница. Ср. в декабре он подарил «Зимку» К.А. Сомову, а «Лето» – А.Н. Бенуа (Борис Михайлович Кустодиев. Письма. С. 215. Примеч. 2; С. 228–229).

⁵⁷ Об экспедиции в Новгород в 1921 г. см.: *Вздорнов* 1981. С. 316–317.

⁵⁸ Икона датируется 1292 г. См. о ней: *Анисимов А.И.* Домонгольский период древнерусской живописи // *Вопросы реставрации*. М., 1928. Т. II. С. 177–178.

⁵⁹ Б.М. Кустодиев находился тогда в санатории в Старой Руссе.

⁶⁰ Б.М. Кустодиев был родом из Астрахани.

⁶¹ А.И. Анисимов ездил во Псков летом 1921 г.

⁶² Николай Иванович Репников (1882–1940), археолог, окончил Петербургский археологический институт (1904), учился в Петербургском университете (1904–1908), работал при Императорской Археологической комиссии и в контакте с Русским археологическим обществом, служил в Этнографическом отделе Русского музея; изучал памятники разного времени на юге России, особенно много в Крыму, а также в Новгороде и Старой Ладоге (с 1903), в том числе фрески XII в. (1927); занимался охраной памятников, но не был сотрудником Комиссии ЦГРМ. См.: *Бернштам А.Н., Бибихов С.Н.* НИИ Репни-

ков [Некролог] // КСИИМК. М.; Л., 1941. Вып. IX. С. 121–123; *Рабдокас В.И.* Памяти Н.И. Репникова // *Старая Ладога*. Л., 1948. С. 7–10.

⁶³ Идентифицировать не удалось.

⁶⁴ Константин Николаевич Игумнов (1873–1948), пианист, профессор Московской консерватории, ректор. В 1923 г. в Гаспире Б.М. Кустодиев нарисовал портрет музыканта (см.: Борис Михайлович Кустодиев. Письма. С. 172).

⁶⁵ См.: *Анисимов А.И.* Реставрация древнерусской живописи в Ярославле.

⁶⁶ О работе в Новгороде в 1923 г. см. подробнее: *Вздорнов* 1981. С. 312. Доклад предшествовал работе: *Анисимов А.И.* Домонгольский период древнерусской живописи.

⁶⁷ Мастерские Комиссии помещались тогда в Кремле.

⁶⁸ И.Э. Грабарь был выведен из Отдела по делам музеев, охраняя памятники искусства и старины Наркомпроса.

⁶⁹ О сестрах А.И. Анисимова наши сведения не очень точны и почерпнуты только из документов Следственного дела ученого. Обе они имели фамилию Савинич. Надежда Ивановна родилась в 1877 г. в Риге (ср. А.И. Анисимов родился в том же году в Петербурге), где окончила гимназию, работала в Митаве как медик (до 1914), в Петергофе как педагог (1915–1923). О второй сестре известно лишь имя – Вера Ивановна (л. 82–83). После вынесения приговора А.И. Анисимову (10 лет лагерей, арест имущества и выселка семьи), он успел написать прошение, доказывая, что сестры Савинич не состоят с ним ни в каком даже отдаленном родстве, что их объединяли лишь хозяйственные интересы. Последующая судьба сестер не известна (л. 103–104).

⁷⁰ В 1930 г. коллекция А.И. Анисимова насчитывала около 160 икон. См. также: *Порфиридов Н.Г.* Новгород. С. 181.

⁷¹ А.И. Анисимов жил в небольшой квартире по адресу: Пренистенка, 21. В бельэтаже находилась Второй музей новой западной живописи (до 1918 г. галерея И.А. Морозова).

⁷² О поездках летом – в начале осени 1926 г. сведениями не располагаем.

⁷³ Премьера спектакля по пьесе В.М. Волькенштейна «Голуби и гусары» состоялась в Малом театре в 1928 г. Эскизы декораций, костюмов, грима и бутафории выполнил Б.М. Кустодиев (см.: Борис Михайлович Кустодиев. Письма. С. 200).

Irina Kyzlasova, State Historical Museum

The new information of Alexander Anisimov. His letters to Boris Kustodiev (1919–1923, 1926)

The article first includes the complete texts of some interesting A. Anisimov's letters to his friend B. Kustodiev (from State Russian Museum's archive). The letters contain new facts in lives of the well-known scientist and the grate artist.